

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БЕЛОРУССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Асп. КОЖИЧ Н. М.

Институт философии НАН Беларуси

Одна из характерных особенностей современной социокультурной реальности – активизация межконфессиональных отношений, развитие экуменистических контактов. Примером этому служат смешанные комиссии, на которых обсуждаются те или иные богословские проблемы, проводятся совместные богослужения и празднования. Особенно заметны изменения во взаимоотношениях русской православной и католической церквей. Идея «великой схизмы» постепенно уходит в прошлое. Однако этот процесс протекает сложно и противоречиво. В русском православии до сих пор сильны консервативные тенденции, проявляющиеся в резком неприятии идеи сотрудничества с иными конфессиями даже при необходимости решения общей проблемы преодоления духовного кризиса, охватившего цивилизованный мир. Позиция Русской православной церкви становится более понятной, когда обращаешься к анализу социокультурной ситуации конца XIX – начала XX в. Фактически 1905 г. явился поворотным в межконфессиональных отношениях. 17 апреля правительством был издан указ «Об укреплении начал веротерпимости», в котором объявлялась свобода вероисповедания. Это способствовало появлению иного вектора в идеологии, политике и деятельности Русской православной церкви, обусловило активизацию внутренних оснований ее идеологической платформы, определило тенденцию к возрождению православной духовности.

Как известно, XIX ст. характеризуется освобождением из-под религиозного влияния широких сфер государственной и общественной жизни, распространением идей свободомыслия и материализма. Секуляризация стала набирать темпы, что привело к ослаблению позиций христианства не только в пределах Российской им-

перии, но и во всем мире. Церковные круги ряда западных стран постепенно приходили к мысли о необходимости преодоления религиозной разобщенности христианских конфессий. Первый шаг в этом направлении был предпринят сторонниками протестантизма. В 60-е гг. XIX в. епископальная церковь Америки установила связь с православными церквами и предложила совместно решать проблемы христианского единства. Но идеологи православия исходили из того, что объединение христианских конфессий может быть признано ими только на основе учения православной церкви. После этого официальные переговоры о способах преодоления конфессиональной разобщенности прекратились.

Следует отметить, что русское православие как часть государства стремилось строить свои отношения с другими исповеданиями по принципу расширения сферы собственного влияния, навязывания своей религиозной идеологии другим странам и религиозным организациям. Эта тенденция была характерна и для конца XIX ст., что обуславливалось «застоем, консервативностью церковно-богословского комплекса русского православия. Однако секуляризация общественной жизни вызывала беспокойство в церковных кругах. В 1894 г. в «Церковном вестнике» был опубликован «Призыв к единению церквей», в котором говорилось, что «разделение само в себе включает понятие слабости, и теми успехами, которые одержало и одерживает неверие в борьбе с церковью и христианством, несомненно, в значительной степени оно обязано именно разделенному состоянию христианского мира» [1].

Усиление индифферентизма, отрицательное отношение к религии волновали и римско-католическую церковь. Правда, ответом на

новую социально-экономическую реальность стало углубление консервативной тенденции, под знаком которой в 1869–1870 гг. прошел I Ватиканский собор, принявший «Конституцию о католической вере». В ней осуждались любые проявления материализма и атеизма, утверждался дух нетерпимости ко всяким проявлениям новизны и уступкам секуляризму. Одновременно был принят догмат о папской непогрешимости. В нем наиболее консервативные круги видели способ укрепления авторитета папы. Заметим, что внесение в первоначальное христианство новых догматических элементов всегда вызывало возмущение на православном Востоке.

В 1894 г. папа Лев XIII издал энциклику, в которой содержался призыв к христианскому единству на основе идеологической платформы католицизма. Папа считал главной причиной, препятствующей объединению церквей, отклонение от католического вероучения. При этом, обращаясь к православным, он указывал, что главным предметом разногласий является учение о первенстве римского первосвященника [2]. Для русских православных иерархов идея восстановления единства на условиях, выдвинутых Римом, была неприемлемой. Но проблема межцерковных отношений вызывала интерес среди русской интеллигенции. Свообразной предтечей современного экуменистического движения стала русская религиозно-идеалистическая философия. Славянофилы А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, И. В. Киреевский и др. рассматривали проблему единения церквей, исходя из убеждения, что только православие обладает полнотой истины, а западные исповедания пребывают вне истинного христианства. В. С. Соловьев в отличие от славянофилов выступал против конфессиональной нетерпимости, признавая христианские церкви равнозначными частями будущей единой вселенской церкви: «Церковь едина и нераздельна, что не мешает ей вмещать в себя различные области, которые не следует разделять, но которые надо точно разграничивать» [3].

В 1902 и 1904 гг. в Окружных посланиях Константинопольский патриарх Иоаким III призывал к тесному сотрудничеству между поместными православными церквами, а также поста-

вил вопрос о возможном сближении двух ветвей христианства: западной (католики и протестанты) и восточной (православные) [4]. В то же время русским православием было заявлено о затруднительности в ближайшем будущем практического сближения с западными церквами, тем не менее допускалось установление лояльных отношений с англиканами и старокатоликами. Эта проблема в дореволюционный период широко обсуждалась на страницах церковной печати [5]. Следует отметить, что отношения между христианскими конфессиями основывались только на идее вероисповедного превосходства, и это служило препятствием в борьбе церковью против религиозного индифферентизма, подъема революционного движения. Рубеж XIX–XX вв. отмечается лишь зарождением тенденции к общехристианскому диалогу со стороны отдельных иерархов и светских философов.

В Белоруссии общие закономерности конфессиональных отношений имели свою специфику. Здесь религия выступала фактором реализации политических интересов, иногда ставящих под угрозу существование белорусского этноса. Деятельность костела и церкви была направлена не только на решение исключительно религиозных задач, но и принимала характер открытой борьбы за расширение культурного пространства между Польшей и Россией. Следствием религиозно-политической конфронтации оказалось закрепление за вероисповеданиями терминов «польская» и «русская» веры.

После присоединения белорусских земель к Российской империи правительство предприняло ряд мер, чтобы ослабить влияние польской культуры и католицизма. В 1839 г. была ликвидирована уния, участие римско-католического духовенства в национально-освободительном движении XIX в., особенно в восстании 1863 г., повлекло за собой ужесточение правительственных мер в отношении этой конфессии. Повсеместно закрывались католические храмы, монастыри; многие из них передавались во владение православной церкви. Русификация белорусских земель приняла системный характер. Была осуществлена попытка изгнать польский язык из богослужебной практики костела. Но эта мера не имела должного эффекта, так как и в начале 80-х гг. большая часть ксендзов проводила богослужения на польском языке [6].

Власти всячески стремились увеличить число православных верующих в Белоруссии. Как правило, это достигалось путем предоставления различных прав и привилегий экономического характера, однако нередко переходы в православие осуществлялись путем насилия и обмана, что вызывало неприятие у местного населения. В отдельных случаях крестьяне выступали с коллективными просьбами вернуть их в католичество. Эти требования в 60-х гг. часто сопровождались массовыми волнениями, для усмирения которых власти вводили войска [7].

Регламентация правительством межконфессиональных отношений во второй половине XIX в. определялась тем, что только за православной церковью закреплялся статус официальной и сохранялись привилегии в области миссионерства. Деятельность других исповеданий подлежала жесткому ограничению. Отношения самодержавия и католицизма основывались на тех принципах, которые сформировались между церковью и государством в империи: русский император должен был признаваться в качестве верховного управителя церкви. Тем не менее, римский католицизм всегда стремился укрепить свое положение и влияние в России. В 1884 г. папа Лев XIII призвал польское католическое духовенство к сотрудничеству с самодержавием. Правительство отнеслось к этому благосклонно, потому что нуждалось в католическом духовенстве как союзнике в борьбе с нарастающим революционным движением в стране. Царские власти во многом поощряли деятельность католической церкви в деле «окормления» верующих и даже разрешили въезд на территорию империи монахов миссионерских орденов.

Несмотря на это, деятельность римского костела подлежала строгому контролю. Назначение иерархов на должность осуществлялось только царским указом по согласованию с папой. В 1881 г. для католических священников виленский генерал-губернатор издал распоряжение. В нем излагались «нарушения, за которые ксендзы облагались штрафом: отлучка в другие приходы и совершение там богослужения без разрешения гражданской власти, произнесения проповеди без предварительного одобрения цензуры, сбор денег с прихожан на предметы и цели, неизвестные начальству и т. п.» [8].

Правительство, ограничивая деятельность латинской церкви, всячески содействовало укреплению позиций православия в Белоруссии. Выделялись средства на ремонт и постройку храмов, выдавались денежные пособия монастырям и духовенству. Такая политика привела к тому, что к концу XIX ст. большая часть населения белорусских губерний принадлежала к православному исповеданию. Открывались новые приходы, в духовных семинариях Могилева, Минска, Вильно и Полоцка, а также в многочисленных духовных училищах проводилась подготовка священников. Широкое распространение получили церковно-приходские школы, обучение в которых велось на русском языке. В них особое внимание уделялось религиозно-нравственному воспитанию, формированию православного мировоззрения. Общеобразовательная функция была подчинена исключительно решению религиозных задач. В условиях межконфессиональной конфронтации в Белоруссии приходские школы приобретали и широкое политикомиссионерское значение. Они «прививают начала православно-русской жизни даже многим иноверческим детям и незаметно вводят юное инославное и раскольническое поколение в строй православно-русской жизни» [9]. Поощряя участие православного клира в деле народного образования, гражданские власти лишали католическое духовенство права заниматься обучением крестьян. Закрытие школ при костелах приводило к тому, что «ксендзы запрещают своим прихожанам посылать детей в русские, особенно церковно-приходские школы, они же научают родителей запрещать детям читать по-русски или по-славянски молитву за царя и помогают, чтобы католики не поступали в услужение в русские православные семейства» [10].

Индифферентизм, переплетение религиозных традиций в сознании верующих обеспечивали в отдельных случаях мирное сосуществование православных и католиков. Православные крестьяне нередко посещали костелы, приглашали в кумовья католиков, но и сами «римско-католики... не чуждаются православной церкви, наравне с православными посещают православные храмы, особенно в дни храмовых праздников, с уважением относятся к православным пастырям, принимают от них благословение, приглашают их к себе для освящения полей,

построек и пр., жертвуют материалы и деньги на церковные нужды...» [11]. Нередки были смешанные браки, которые правительство признавало действительными, если они совершались в православной церкви, причем дети от таких браков крестились по православному обряду.

Обострение межконфессиональных отношений произошло в 1905 г., когда в соответствии с манифестом объявлялась свобода перехода из одного вероисповедания в другое; отныне отпадение от православия перестало преследоваться законом. Этот указ ослаблял ограничения, существовавшие в отношении неправославных конфессий, но сохранял привилегии православной церкви. Манифест фактически уравнивал положение других христианских направлений с православием, что, однако, привело к усилению конфронтации между исповеданиями. В западных губерниях бывшие униаты в массовом порядке стали переходить в католицизм, протестантские секты. Изменения в конфессиональной политике обострили уже давно назревавшую проблему реформирования православно-церковного устройства, адаптации русского православия к новым условиям общественной жизни. Массовые отпадения в католицизм только доказывали наличие глубокого кризиса в недрах русского православия.

Указ о веротерпимости значительно расширил права католицизма, отменив обязанности католического духовенства предварительно ставить в известность местную администрацию об отлучках из своих приходов, разрешив свободное проведение крестных ходов и религиозных процессий в западных губерниях, отменив ограничения в праве населения сооружать новые и ремонтировать существующие римско-католические кресты; положив предел упразднению католических монастырей на территории белорусских и польских земель и т. д. [12].

Таким образом, католическая церковь получила возможность активизировать свою деятельность. Широко распространялась религиозная литература, открывались школы при костелах, с целью пропаганды устраивались зрелищные епископские поездки, возводились новые храмы. Католицизм быстро отвоевывал утраченное влияние на белорусских землях. Но в то же время эта деятельность приводила к столкновению интересов двух церквей. В частности,

в местечке Зельва Волковысского уезда Гродненской губернии православные прихожане привезли камень для строительства церкви на месте бывшего недостроенного костела, находившегося в ведении православного ведомства. Окрестные католики, узнав об этом, устроили вооруженное сопротивление, в результате которого погибли несколько человек [13]. Межконфессиональная вражда вносила раскол в сельские общины, в семьи.

Православное духовенство пыталось осмыслить причины массового перехода в католицизм. В первую очередь назывались непонимание разницы между православным и католическим вероучениями, недооценка роли православия в истории белорусов. Подчеркивалось, что религиозное сознание католиков имеет более убедительные формы своего выражения, и это производит сильное впечатление на православных. Архимандрит Арсений именно это обстоятельство считал главной причиной успеха католицизма: «Убежденность в своей правоте и в значении есть великая сила, действующая на других людей наподобие внушения... такого же рода убежденность, разлитая в католической пастве, есть та сила, которая наносит нам поражения на пограничной линии между Восточной и Западной церквами... всякая пропаганда может иметь успех лишь там, где для нее есть готовая почва... если же речь ксендза, порицающего «схизму», смущает православных, даже склоняет к измене родной вере, то разве это не есть признак, что последняя всажена не крепко, что она и не пустила глубоко корней и не разрослась в высь и ширь» [14]. Отпадения от официальной церкви показывали, что духовенство не смогло поднять на высокий уровень православное сознание белорусов. Соперничество основных конфессий в Белоруссии выражалось в дискредитации представителями католицизма и православия друг друга в глазах прихожан. Граф Игнатий Корвин-Милевский отмечал, что «нет ничего более опасного для правильного развития государственного благосостояния и нравственного покоя данной страны, как эти пререкания духовных лиц, одетых в рясы, похожих друг на друга, служащих одному и тому же Богу, когда они ради догматических тонкостей... нападают друг на друга, не-

редко даже ругают один другого и, в конце концов, вредят не столько тому или другому вероисповеданию, как самому религиозному началу» [15]. Вражда между духовенством обеих церквей служила разжиганию религиозного фанатизма и нетерпимости в обществе. «Многие священники получают письменные и словесные предложения от фанатиков-католиков о том, чтобы не удерживали православных от возвращений в католичество и добровольно оставили свои приходы, а церкви с их имуществом добровольно передали ксендзам, грозя в противном случае силою завладеть церквями и церковными постройками или сжечь их, а священников убить» [16].

Католицизм расширял сферу своего влияния на белорусское население, но эта деятельность, в основном, носила характер полонизации, хотя общее число поляков составляло небольшой процент жителей Белоруссии и Литвы. Высокий уровень исторического самосознания поляков усиливал их оппозиционность к русскому самодержавию, а принадлежность польского населения к римско-католическому исповеданию обусловила его консолидацию на белорусских землях [17]. В конце XIX – начале XX в. снова развивается польское национальное движение. Активизация костела в Северо-Западном крае вызвала негативную оценку со стороны православного клира. «Сильная Россия. Россия православная – не на руку католическому миру вообще, а полякам в особенности, – отмечал К. Тихомиров. – Они отлично понимают, что крушение православия есть вместе и крушение России, и что торжество католичества есть торжество и Польши, а потому поляки все усилия употребляют на то, чтобы ослабить – унижить православную веру и насадить вместо нее римский католицизм» [18].

Указ о веротерпимости 1905 г., открывший новые возможности для пропаганды, обозначил тенденцию приспособить деятельность костела к новым условиям. Идеолог обновления католицизма в Белоруссии И. О. Корвин-Милевский призывал к сотрудничеству с правящими классами путем воспитания «русских католиков», указывал на необходимость поднять нравственный авторитет духовных лиц, главной целью которых должна быть не политическая деятельность, а решение исключительно религиозных задач [19].

Для укрепления положения в крае православная церковь была вынуждена мобилизовать свою деятельность: собирались епархиальные съезды, проводились богословские чтения. Духовенство принимало участие в работе местных монархических организаций таких, как «Союз Михаила Архангела», «Крестьянин», «Белорусское общество», «Союз русского народа». Церковная печать выступала с резкой критикой католицизма, обвиняла латинское духовенство в прозелитизме, в «завоевании православных душ».

Стремление к укреплению позиций православия отражалось в расширении деятельности церковных братств, которые включали в свой состав представителей различных слоев общества. Правительство содействовало возрождению и развитию братского движения, пытаясь сделать более активным участие мирян и духовенства в церковной жизни. После 1905 г. наряду с основными направлениями деятельности братств – религиозно-просветительской и церковно-благоустроительной – возросла роль апологетической и миссионерской работы, защиты православного населения от пропаганды других исповеданий. На братских съездах в 1907 и 1909 гг. заявлялось о необходимости оживления роли этих организаций в общественно-политической жизни западных окраин России, разрабатывалась широкая антикатолическая программа, стержнем которой была ликвидация «церковных неурядиц». Деятельность братств фактически отражала борьбу за идейное влияние в крае.

Соперничество двух церквей влекло за собой настойчивое стремление белорусского народа к самостоятельному созданию форм духовной жизни. В 60-е гг. XIX ст. впервые в католических храмах одновременно с польским и русским языками в богослужебной практике начинает использоваться и белорусский [20]. В начале XX в. постепенно формируется белорусский костел. Выходят в свет белорусскоязычные католические издания «*Biélarus*», «Гомон», «Белорус», «Криница». Летом 1917 г. в Минске состоялся съезд католического клира, на котором обсуждались проблемы политической, социальной, просветительской деятельности костела, затрагивался вопрос о взаимоотношениях между белорусским движением и преобразованиями, осуществляемыми в римско-католической церкви.

ЛИТЕРАТУРА

Интерес к белорусской культуре, истории, религиозной жизни наблюдался в среде православного духовенства. Краеведческой работой занимались Д. Довгялло, член Витебского епархиального древнехранилища, священнослужители Ф. Жудро, Л. Паевский, П. Горючко и др.

Резюмируя процесс межконфессиональных отношений в Белоруссии конца XIX – начала XX в., можно сделать вывод о том, что идея вероисповедного превосходства, догматические расхождения явились серьезным препятствием в налаживании контакта между конфессиями. Русская православная и католическая церкви всегда стремились к расширению сфер собственного влияния на белорусских землях. Политика Российской империи в области духовного воздействия на народные массы использовала все важнейшие религиозные конфессии, прежде всего – православие и католичество, что, в свою очередь, не способствовало сглаживанию межконфессиональных противоречий и консолидации белорусского народа. На протяжении XIX в. в Белоруссии шел процесс своеобразного «срачивания» вероисповедального и национального признаков. К началу XX ст. начинает складываться противоположная тенденция. Появляются зачатки национально ориентированного костела, обозначается выход за пределы официальной идеологии в православной среде, что в конечном счете определило новые тенденции в формировании белорусского самосознания. Межконфессиональные отношения в Белоруссии свидетельствуют о большом влиянии православия и католичества на духовный облик народа, развитие белорусской культуры.

1. Церковный вестник. – 1894. – № 29. – С. 449.
2. Энциклика папы Льва XIII о соединении церквей. – СПб., 1895. – С. 7.
3. Соловьев В. С. Россия и Вселенская церковь / Пер. с франц. Г. А. Рачинского. – М., 1911. – С. 105.
4. Церковный вестник. – 1913. – № 1. – С. 18.
5. Гордиенко Н. С. Эволюция взаимоотношений русского православия и экуменизма // Общественная жизнь и религия. – Л.: ЛГПИ, 1972. – Вып. 1. – С. 105.
6. Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. – Вильна, 1895. – С. 151–153.
7. Канфесіі на Беларусі. – Мн.: Экаперспектыва, 1998. – С. 73.
8. Католицизм в Белоруссии: Традиционализм и приспособление. – Мн.: Навука і тэхніка, 1987. – С. 36.
9. Литовские епархиальные ведомости. – 1899. – № 48. – С. 518.
10. Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. – Вильна, 1895. – С. 155.
11. Литовские епархиальные ведомости. – 1899. – № 48. – С. 517.
12. Вестник Миссионерского обозрения. – 1906. – № 4. – С. 573–576.
13. Вестник Виленского Православного Свято-Духовского Братства. – 1907. – № 5. – С. 99.
14. Могилевские епархиальные ведомости. – 1908. – № 24. – С. 919–920.
15. Корвин-Милевский И. О. О реформе римско-католического духовенства в Северо-Западном крае. – Вильна, 1912. – С. 4.
16. Литовские епархиальные ведомости. – 1905. – № 51–52. – С. 402.
17. Литвиненко Р. С. Польское общественно-политическое движение в Беларуси и Литве: Конец XIX – начало XX в. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 1998. – Сер. 3. – № 2. – С. 10.
18. Вестник Виленского Православного Свято-Духовского Братства. – 1909. – № 2. – С. 41.
19. Корвин-Милевский И. О. О реформе римско-католического духовенства в Северо-Западном крае. – Вильна, 1912. – С. 31.
20. Третьяк Я. Белоруссия: Религия и общество в прошлом и настоящем // Религия и права человека: На пути к свободе совести. – М.: Наука, 1996. – С. 245.

*Рецензент канд. филос. наук,
АНЦИПОВИЧ Н. В.*